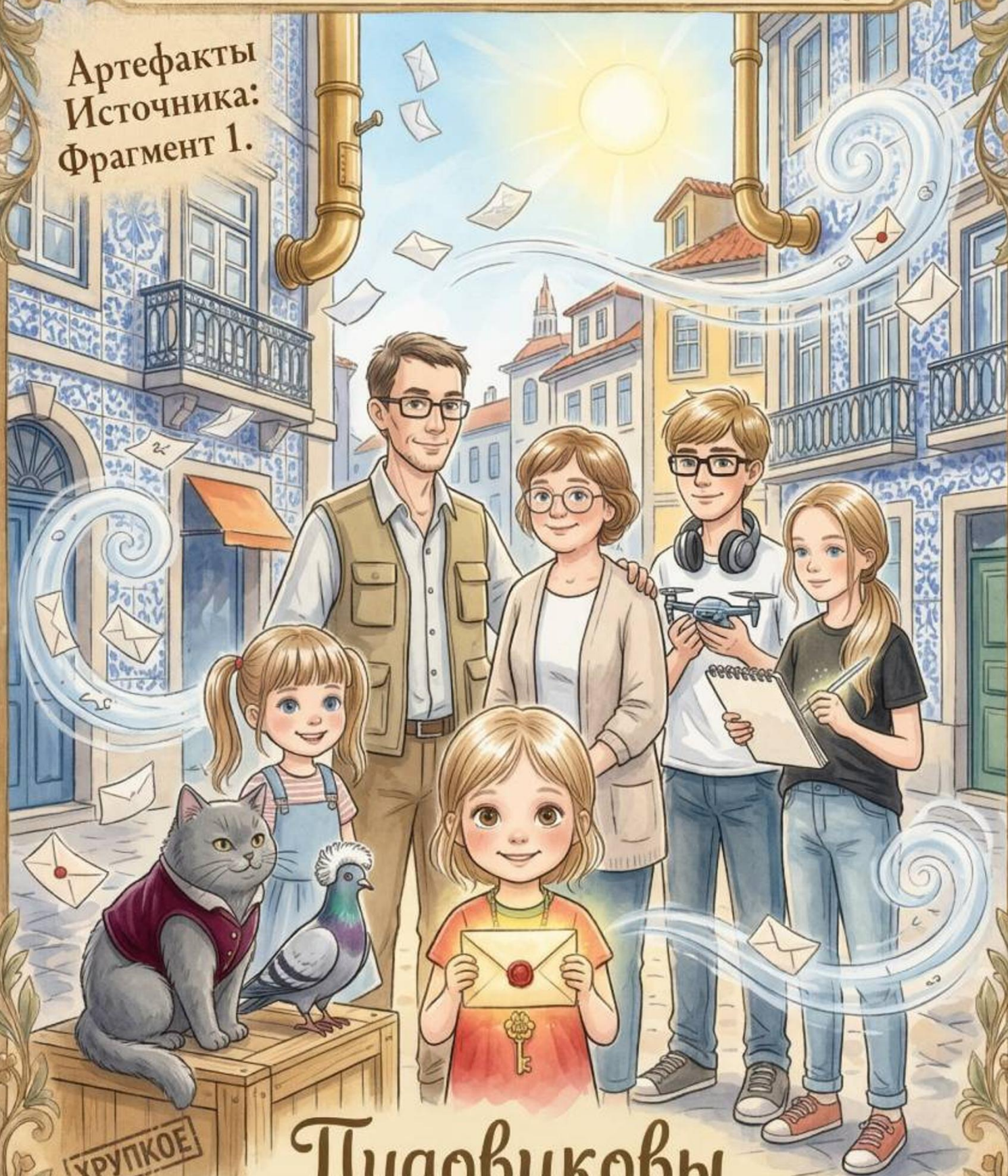

Полина Светлова

Артефакты
Источника:
Фрагмент 1.

ХРУПКОЕ

Пудовиковы
и Почта потерянных писем

Полина Светлова

**Пудовиковы и Почта
потерянных писем**

«Автор»

2026

Светлова П.

Пудовиковы и Почта потерянных писем / П. Светлова —
«Автор», 2026

Семья Пудовиковых знает: если чемодан закрывается легко — вы что-то забыли. Но однажды всё наоборот: чемодан не закрывается, а внутри обнаруживается странное тёплое письмо без адреса и марки. Конверт упрямо указывает углом на дверь и приводит семью в старый Порту, к забытой почте на Плиточной площади. За медной дверцей «Потерянного ящика» — целый мир: латунные трубы, порхающие письма и тайны тех, кто очень долго ждёт ответа. Маруся слышит шёпот ключика, Настя рисует живых воробьёв, папа верит в трубы, а мама знает: невысказанные слова весят больше всего. Это история о путешествии, где главное — не найти адресата, а услышать того, кто молча ждёт. Книга, от которой тепло на душе и хочется написать письмо. Минисерия часть 1: "Артефакты источника: Фрагмент 1"

© Светлова П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Письмо в чемодане	5
Глава вторая. Потерянный ящик	8
Глава третья. Забастовка Почтовых Ветров	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Полина Светлова

Пудовиковы и Почта потерянных писем

Глава первая. Письмо в чемодане

У семьи Пудовиковых было правило, которое ни разу не подвело их за семь лет путешествий: если чемодан закрывается легко — значит, вы что-то забыли.

— Это, так сказать, эмпирический закон, — объявил папа Максим. Он уселся верхом на синюю сумку и обеими руками потянул молнию. — Объём вещей увеличивается ровно тогда, когда их нужно закрыть. Всюду: от Вселенной до носков.

— Или как тесто, — согласилась мама Валя, вгоняя в боковой карман термос. — Оно тоже поднимается, когда не надо. Так, дорогие мои, переключка. Паспорта?

— У меня, — отозвался Миша, не отрываясь от ноутбука. На экране по чёрному полю бежали зелёные строчки. Миша называл это «посадочным талоном будущего», но будущее упорно не хотело устанавливаться и требовало перезагрузки.

— У меня в кармане скетчбука, — сказала Настя, не поднимая головы. Она заканчивала рисунок: потолочные фермы аэропорта переплетались на её листе, как ветви железного дерева, а на одной из ветвей сидел воробей. Нарисованный — но почему-то совершенно живой.

— Паспорт у меня, компас у меня, фонарик у меня, лупа у меня, бутерброд запасной у меня...

— Люба, — вздохнула мама. — Паспорт — не бутерброд. Запасного не бывает.

— Мало ли, — важно ответила восьмилетняя Люба и на всякий случай запихнула в карман ещё один бутерброд.

В переключке не участвовала только шестилетняя Маруся. Она сидела на скамейке, прижав к уху маленький золотой ключик, и слушала. Ключик подарил ей один архимаг — в благодарность за прошлое приключение. Дверей ключик не открывал, но, если приложить его к уху, тихонько гудел — и каждый раз по-разному.

— Что он сегодня гудит? — спросила мама Валя.

— Как будто кто-то далеко ждёт, — сказала Маруся. — Очень-очень ждёт. Но сказать об этом не умеет.

Папа Максим открыл было рот, чтобы возразить про помехи в эфире, но объявили посадку на рейс до Порту.

В Порту Пудовиковы прилетели ради фестиваля азулежу — старинных сине-белых плиток, которыми здесь облицовано всё: стены, вокзалы, церкви и даже, если постараться, настроение. Настя мечтала об этом полгода и теперь шла по улицам, задрав голову и шепча названия синих цветов.

Кота Барнаби с ними не было. Барнаби — бывший управляющий волшебным отелем, а ныне полноправный член семьи и хранитель всех ключей — остался «на хозяйстве». Он проводил их до такси, лично понюхал каждый чемодан и на прощание произнёс речь:

— Подушка будет скучать. Я прослежу. Мая.

И вот теперь, на третий день, когда семья пила чай в съёмной квартире с окном на черепичные крыши, на подоконник сел голубь. Самый обыкновенный с виду голубь, если не считать кожаной тубы на лапке. В тубе лежала телеграмма:

«ДОЛЕТЕЛИ НОРМАЛЬНО ОТЕЛЬ СТОИТ ПОДУШКА ХОЛОДНАЯ РЫБЫ НЕТ БЕЗОБРАЗИЕ БАРНАБИ»

А вечером чемодан не закрылся.

Папа Максим обошёл его по кругу, как инженер обходит незнакомый механизм: присел, поворошил носки, поворошил их ещё раз, нажал ладонью на крышку. Молния дошла до половины и встала намертво.

— Ага, — сказал папа с торжеством. — Правило сработало. Мы что-то забыли. Вернее — что-то забыло нас.

Он расстегнул чемодан и вытащил из-под Настиного скетчбука конверт.

Конверт был странный. Без марки и индекса. Адрес расплылся, будто по бумаге когда-то давно плакали, — читалось только «...тому, кто...». Сургучная печать — целая, но без оттиска: гладкий тёмно-красный кружок, похожий на застывшую каплю варенья. А ещё конверт был тёплым. Не от чемодана и не от батареи — тёплым сам по себе, как щёка, к которой только что прижимались.

— Сквозняк, — неуверенно сказал папа Максим и взъерошил волосы. — Ветровой поток через форточку. Эффект Бернулли. Бумага... э-э... наэлектризовалась.

— Она не наэлектризовалась, — тихо сказала Маруся. Она стояла рядом и держала конверт двумя руками, как птичку. — Она ищет. Она очень долго летала и всех спрашивала: «Вы не мой адресат?» И никто не ответил.

Люба подпрыгивала на месте:

— Письмо! Нам письмо! Как будто мы тоже адресаты!

Мама Валя взяла конверт, взвесила его на ладони и почему-то посмотрела на часы.

— Знаете, что странно? — сказала она. — В нём ведь не бумага тяжёлая. В нём слова тяжёлые. Такие, знаете... невысказанные. Они всегда весят больше, чем кажутся.

Ночью все легли спать, а конверт положили на тумбочку — до утра, до разбирательства. Но утром его на тумбочке не оказалось.

Он лежал посреди комнаты, на полу, развёрнутый углом к двери. И сколько бы Маруся ни поворачивала его обратно, конверт упрямо ложился так же — углом к двери, как стрелка компаса.

— Он показывает, — сказала Маруся. — Туда.

И семья Пудовиковых, позавтракав наскоро, пошла туда — через весь старый город, по улочкам, выложенным чёрно-белым камнем, мимо стен, сияющих кобальтом, — к старой почте на Плиточной площади.

Глава вторая. Потерянный ящик

Старая почта на Плиточной площади была вся, от ступенек до флюгера, покрыта азулежу. Синие птицы летели по белым стенам, синие корабли плыли по синим волнам, и солнце блестело в глазурных трещинках, как в паутине.

— Красота, — выдохнула Настя и тут же достала маркеры.

— Сначала дело, потом зарисовки, — скомандовала мама Валя. — Люба, ты у нас разведчик. Ищи, куда показывает конверт.

Люба взяла конверт обеими руками, покрутилась волчком на месте и уверенно ткнула пальцем не в парадный вход, а в узкий переулок сбоку:

— Туда!

В переулке, между мусорными баками и ящиком с геранью, в стену был вмурован почтовый ящик. Вернее, не ящик — целая ящица: деревянная, тёмная, высотой Любе по грудь, с медной табличкой, позеленевшей от времени. Маруся протёрла табличку ладошкой, и все прочитали:

«ПОТЕРЯННЫЙ ЯЩИК. ДЛЯ ПИСЕМ, КОТОРЫЕ НЕ ЗНАЮТ, КУДА ИМ».

— Любопытная логистика, — пробормотал папа Максим. — Ящик для писем без адреса. А куда они попадают дальше? В утиль? В архив?

Он потянул за медную ручку — просто чтобы проверить, заперто ли. Дверца ящика открылась. За ней была не стена. За ней была лестница, уходящая вниз, а вдоль лестницы тянулись трубы — латунные, разного диаметра, от тонких, как соломинка, до толстых, как водосточная. В трубах что-то щёлкало, шелестело и вздыхало.

— Ну вот, — сказал папа Максим. — Пневмопочта. А я-то думал, её только в книжках выдумывают.

— Пап, — сказала Настя. — Ты сейчас спускаешься в волшебную лестницу и первым делом думаешь про трубы.

— Трубы, — назидательно ответил папа, — это главное в любом волшебстве. Без труб волшебство где попало.

И они спустились.

Лестница закончилась залом. Нет — Залом, с большой буквы. Представьте пространство высотой с десятиэтажный дом, и все стены заняты почтовыми ячейками — маленькими медными дверцами, сотни тысяч дверец. Между ними порхали письма: не падали, а порхали, как рыбки в аквариуме. По латунным трубам с щёлканьем носились капсулы. Пахло бумагой, сургучом, чернилами и немного дождём.

И посреди этого великолепия стояла гора. Гора писем — метров шесть высотой, неровная, сползающая, с тревожно шуршащими краями.

— Шестьдесят одна тысяча восемьсот двенадцать, — сказал грустный голос. — Если пересчитывать каждые четыре часа — шестьдесят одна тысяча восемьсот тридцать. Растёт.

Из-за горы вышел человек: низенький, кругленький, в форменном мундире почтового синего цвета. Вместо пуговиц — сургучные печати, а фуражку украшала настоящая марка, тёмно-вишнёвая, с профилем неизвестного короля.

— Дон Литтеро, — представился он и поклонился. — Начальник Главного почтового отделения Волшебных Миров. К вашим услугам. К сожалению.

— К сожалению — это почему? — деловито спросила мама Валя.

Дон Литтеро обвёл рукой зал, и рука его дрогнула.

— Потому что, дорогие гости, вы попали сюда в самые скверные времена за всю историю почты. Видите гору? Это НЕОТВЕЧЕННЫЕ письма. Их авторы ждали ответа и не дождались. А слова не любят, когда их оставляют без ответа. Слова начинают закипать... Взгляните наверх.

Все задрали головы. Под потолком Зала, среди медных труб, клубилось несколько серых облаков. Они были похожи не на облака, а на сжатые губы. И они вздыхали — тихо, но от этих вздохов у всех почему-то портилось настроение.

— Пока их мало, они только вздыхают, — сказал дон Литтеро. — Но гора растёт. До новолуния девять дней. Если к новолунию письма не разберут и они не получают ответов, слова забудут собственные смыслы. «Прости» станет значить то же, что «отстань». «Я скучаю» — то же, что «мне нечего сказать». А «я тебя люблю»... — он махнул рукой. — Лучше не думать.

— Так, — сказала мама Валя тем особенным голосом, каким она обычно говорила «всё понятно, работаем». — Вопрос первый: почему письма никто не разбирает? Вопрос второй: чем помочь?

Дон Литтеро горько усмехнулся и поправил марку на фуражке.

— Разносить письма должны Почтовые Ветры. Они разносили их триста лет — в любую погоду, в любой мир. Но три дня назад Ветры объявили забастовку: сидят на крыше, требуют человеческого отношения и спускаются только за чаем. А без Ветров ни одно волшебное письмо не найдёт дорогу. Ни одно.

Все обернулись. Маруся стояла у самого подножия горы писем, положив ладонь на верхний конверт, и слушала. Золотой ключик в её кармане тихонько гудел.

— Они не лентяи, — сказала Маруся. — Они обиделись. А обиженных нельзя обходить. Обиженных можно только... — она наморщила лоб, подыскивая слово. — Только заметить.

И в этот момент где-то наверху, под потолком Зала, родилась новая Ворчливая Туча — большая, чем прежние. Она тяжело вздохнула, и от её вздоха погасла половина ламп.

— Девять дней, — прошептал дон Литтеро, глядя на гору. — Целых девять. И ни одного лишнего.

Глава третья. Забастовка Почтовых Ветров

На крышу Главной почты вела винтовая лестница в двести ступеней. Папа Максим одолел её первым — и через минуту семья услышала сверху его голос: громкий, уверенный и совершенно не ко времени:

— ...таким образом, с точки зрения аэродинамики, ваша нынешняя схема доставки неоптимальна! Потери на турбулентность — до восемнадцати процентов!

— Тихо, папа, — прошипел Миша, взбегая следом. — Ты на забастовку пришёл с презентацией?

На крыше было ветрено — ещё бы, когда на ней расположились четыре Ветра.

Их было видно не целиком, а частями: вот вращается столб пыли и сухих листьев — чей-то нервный жест; вот полощется на пустом месте невидимое знамя; вот лежит на тёплой черепице прозрачное марево и делает вид, что его нет. И только бабка Зефира была почти видима: сухонькая старушка в платочке из утреннего тумана, с вязанием в руках. Вязала она, естественно, из ветра.

Четвёртого, самого молодого, звали Бриз. Он не показывался вовсе: дулся где-то за трубой и лишь изредка всхлипывал оттуда — так всхлипывают подростки, которых не позвали играть.

Над крышей на растяжках висел транспарант, сплетённый из облаков. Буквы в нём перестраивались, но смысл держался стойко:

«1. ГРАФИК! 2. ПЕРЕКУР! 3. БЛАГОДАРНОСТЬ!»

Слово «БЛАГОДАРНОСТЬ» было подчёркнуто трижды и немного дрожало.

— Здравствуйте, — сказала мама Валя самым мирным голосом, на какой была способна. — Мы, собственно, поговорить.

— Говорить они все горазды, — буркнул Сирокко. Его было легко узнать: он прилетел из пустыни, был горяч, порывист и сыпал мелким песком. — Триста лет носим их письма! В дождь! В мороз! Через ураганы! А нам что? «Ветер, ветер, дуй сильнее!» Всё?

— Не всё, — сухо сказал Мистраль. Мистраль был старшим: прямой, холодный, без единого лишнего движения, как струя из аэродинамической трубы. — За триста лет нам ни разу не сказали «спасибо». Ни разу, Сирокко. Я считал.

— Я вам скажу спасибо, — немедленно вставил папа Максим, — но сначала позвольте про неоптимальность. Смотрите: ваша сеть доставки построена по принципу «кто быстрее». А если перейти на кольцевую маршрутизацию, потери на турбулентность падают до семи процентов! Я могу начертить.

— Уважаемый, — перебил Мистраль, и пыль на крыше встала дыбом. — Мы летаем не потому, что это эффективно. Мы летаем, потому что нас ждут. Вы, люди, вечно путаете скорость и смысл.

— Я инженер, — обиделся папа Максим. — Инженер ничего не путает. Инженер измеряет.

— Измерьте тогда, — вдруг тихо сказала бабка Зефира, не отрываясь от вязания, — измерьте, сколько весит письмо, которое ждут. Только честно. Вашими приборами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.